

ЛОВЛЯ РЫБЫ БРЕДНЕМ

Александр Платонович Лопата был стопроцентным новым русским, а это значит, что за ним тянулся хвост таких секретов, о которых лучше не знать и тем более не распространяться. Всё у него в жизни было, как у многих новых русских: учёбу в институте он бросил с началом перестройки и пустился во все тяжкие. Был он и кооператором, побывал и рэкетиром, был и депутатом, был и банкиром, и вот за двадцать лет свободного полёта поднялся он прилично. А я, его друг со школьной скамьи, встречаясь с ним раз в полгода от случая к случаю, и не представлял, какое место занимает Сашка Лопата в современном мире.

А тут, разузнав, что мы с ним знакомы, ко мне обратилась соседка по дому: не смогу ли я попросить Александра Платоновича Лопату, чтобы он продал ей маленький домик с участком в тридцать соток, который ей приглянулся в деревне Старая Пустынь. В сельсовете она выяснила, что участок принадлежит Лопате, но сам он там не бывал ни разу со времени покупки семь лет назад.

Я пообещал и позвонил Лопате в тот же вечер, благо телефон домашний откуда-то у меня был. Александр Платонович, как я понял, с большим удивлением выслушал мою просьбу

— Старик, я, честно говоря, и не знаю, есть ли у меня в Старой Пустыни участок. А если и есть, то заниматься выяснением, откуда он у меня и зачем он мне, я пока не могу — других дел полно. Но выясню — скажу!

А ты вот что: ты помнишь, что у меня в конце июля юбилей, пятьдесят лет? Первого августа я жду вас с твоей красавицей-женой у себя дома, на Сахарном Долу. Ничего не бойся: телевидения не будет, журналистов не будет, всё по-семейному.

Я, конечно, забыл о юбилее своего друга детства, но, когда за неделю до указанной даты мне с нарочным под роспись было привезено именное приглашение, я понял, что и у меня началась взрослая жизнь. Удивительно, но моя жена об этом юбилее знала, готовилась к нему и была уверена, что мы пойдем на него. Новое платье, новая сумочка и новые туфли были у неё уже куплены и только ждали праздника. А вот насчёт подарка она отказалась фантазировать, сказала, что это твой друг, вот сам и думай, а если не придумаешь, я ему мужской одеколон подарю, и тебе будет стыдно.

И я придумал. Я вспомнил, как десятилетними пацанами на песках напротив затона Калинина мы с Сашкой вместе с нашими родителями, которые дружили, ловили рыбу бреднем и варили уху на костре. Через своих друзей в охотничьей инспекции и рыбнадзоре я узнал, кто у нас в городе промышляет сетями, и вопрос был решён. Через три дня у меня дома в коридоре стоял свёрнутый и упакованный в подарочный двухметровый короб настоящий профессиональный тридцатиметровый бредень с полированными дубовыми вальками. В общем, всё по высшему разряду.

На виллу, — а иначе заведение, где проживал Александр Платонович со своим семейством, не назовёшь, — мы с супругой приехали раньше времени. Огороженный охраняемый гектар с участком леса и выходом к озерам Марьиной рощи — это круто. Короб с бреднем оказался больше всей моей машины, пришлось везти на багажнике. А на воротах виллы юбиляра пришлось искать начальника охраны, чтобы тот распорядился помочь дотащить подарок до виновника торжества.

— А что там, в коробке? — заботливо поинтересовался начальник охраны то ли участка, то ли лопатинской фирмы, то ли его самого.

— Бредень, — ответил я.

— Какой бредень? — переспросил начальник охраны.

— Нормальный бредень, тридцатиметровый, с ячейкой сорок и с дубовыми вальками.

— Стоп! — воскликнул Лопата, который уже объявился и любезно целовал ручку моей супруге. — Больше про бредень ни слова.

— Почему ни слова?

— А потому, что через полчаса сюда приедут сто человек, а через два часа десять из них, пьяных, пойдут бродить с бреднем в наших озёрах. А это мероприятие интимное, на двоих.

— Саша, на каких на двоих — такую волокушу вшестером не протащишь, а ты — на двоих!

— Я этот вопрос обосу и уже завтра тебе доложу.

Тридцать официантов бегали сломя голову, обслуживая гостей. Они использовали и огромную кухню Александра Платоновича, и дополнительное оборудование, привезённое с собой из подшефного ресторана. На двух этажах особняка из трёх на диванах и в креслах отдыхала спокойная часть гостей, слушая приглушённую американскую музыку сороковых, а на лужайке перед домом играли джаз Алик Залкинд со своим ВИА “Третья смена”, так они назывались когда-то в нашей молодости, когда играли на танцплощадке в садике 1 Мая. Седые и морщинистые мужики выглядели очень стильно и наяривали азартно. Где нашёл их Лопата — не знаю!

У моей супруги знакомых в этой разношёрстной компании оказалось куда больше, чем у меня, но и я к радости своей встретил двух своих старых товарищей, с которыми готов был провести некоторое время: истории, которыми мы обменивались, были весёлыми и незамысловатыми. Толпа была схожа с эмульсией, эдакой смесью несмешиваемых жидкостей, которая кажется однородной. Тут были и глава администрации города, и два заместителя губернатора, а рядом с ними — молодые директора заводов и братки, которые громко, но недолго гоготали, а потом вместе с подругами всё же отправились купаться.

Заметил я и уважаемых людей, которые не захотели присоединиться к гостям. Они приезжали с охраной на военных клёпаных “гелендвагенах”, церемонно обнимали юбиляра и вручали ему конверт или клали показательно в нагрудный карман царский золотой червонец. Я предполагал, кто это, но не был уверен; я ещё не совсем к тому времени понял, а кем же стал Сашка Лопата.

Он подошёл ко мне, когда кое-кто уже начал разъезжаться:

— Пойдём в кабинет, я всё придумал.

— Что придумал?

— Мы послезавтра с тобой вдвоём едем ловить рыбу бреднем.

— Как вдвоём?

— Пойдём в кабинет.

В кабинете на третьем этаже, куда гости всё же не добрались, было сумеречно и тихо, работал кондиционер. Александр уселся на письменный стол.

— Теперь слушай внимательно. У меня тут в области, прямо на берегу приличной красивой речки есть охотничий домик, за ним присматривает местный егерь. Глава администрации района — мой хороший друг. Пять лет назад сгорел у них там храм деревянный: в феврале затопили печку на ночь, чтобы с утра потеплее служить было, и ушли спать. Утром — одни головешки да купол с крестом в стороне под ёлками валяется. Попросили меня местные старухи помочь, только, говорят, поставь церкву-то не в том селе, где была, а в соседней деревне: там, мол, народу-то живёт куда больше. Я к владыке нашему областному, а тот ни в какую: где стояла, там и должна стоять. Ну, тогда поехал я с игуменом одного нашего монастыря, который восстанавливался, в Каменск-Уральский на колокольный завод Пяткова Коли, знакомились мы с ним когда-то по случаю в Москве, приятный мужик. Купил я у него на два миллиона колоколов — полный комплект для монастыря: от десяти кило до полутора тонн. Владыка сразу после этого разрешил мне ставить храм где угодно: хоть в лесу, хоть на острове. Я когда в деревню к ним туда приезжаю, местные бабы на меня, почти как на святого, молятся. Сейчас я позвоню, и мы решим всё с нашим бреднем.

— Везде у тебя, Саша, друзья.

— Есть такая кавказская мудрость: женщину красит красота, а мужчину друзья.

Александр Платонович стал набирать на мобильнике какой-то номер, а я понял, что называть после сегодняшнего вечера своего школьного друга Сашкой Лопатой я уже не смогу.

— Тихо! — скомандовал он и поднял указательный палец, глядя на меня. — Здорово, Коля. Это — Сашка, Сашка Лопата. Да, да, Александр Платонович. Вот у меня сегодня юбилей, пятьдесят лет, и хочу я от тебя подарок получить. Какой, какой — рыбалку! Не-ет, подарили мне сегодня бредень, не волокушу, но тридцать метров. Мы к тебе послезавтра приедем, приготовься. Как, как — пятерых мужиков одень в белые подштанники и белые рубахи, резиновые галоши купи им или лапти. Трёх девок найди: за самоваром следить да колбасу резать. Водку, огурцы и пряники мы с собой привезём, столы и скамейки готовы. Ловить будем и на лугах в озерах, и на песках в речке. “Друг зверя” на ходу? Жди!

Лопата положил мобильник на стол.

— Ну что — всё понял? Не возражаешь?

— Всё понял, идея мне нравится, — ответил я.

Лопата приехал за мной через день на своей “Тойоте-сотке” с самого ранья и без предупреждения. Он просигналил под моим открытым окном на втором этаже, и я выглянул, продирая глаза.

— Мы едем? — спросил он.

— Я уже готов, — ответил я и бросился бриться и надевать штаны. Мгновенья я раздумывал, не успею ли попить кофе, но, плюнув на него, покатился вниз по лестнице, понимая, что баланс взаимоотношений с Лопатой уже безвозвратно поломан.

Машину он вёл вальяжно, не задирая спидометр выше ста двадцати, хотя пустынную трасса позволяла идти и сто пятьдесят без напряжения.

— А я подумал, что мы на твоём “Хаммере” поедem, — сказал я.

— Да ты что? “Хаммер” — это моим дочерям на базар ездить. Его же мне подарили друзья из Штатов — не понимаю, зачем. Там ключ зажигания повернул — ведро солярки сторело. У него крейсерская скорость — во семьдесят, а под горку — может, сотню разгонится. Что интересно: в родной штатовской инструкции по “Хаммеру” написано, что расход топлива учёту не поддаётся. А вот девчонкам на базар ездить — он в самый раз: и торопиться никуда не надо, и не страшно, что какой-нибудь дурак подрежет или стукнет. От “Хаммера” в городе все шарахаются.

Через три часа мы были на месте.

Последние пять километров ехали не просто по грунтовке, а по такой глухой лесной дороге с ямами, лужами, буераками и поваленными деревьями, что казалось, Лопата меня испытывает. Но он, подпрыгивая на ухабах и стучаясь об крышу головой, объяснил мне, что по трассе асфальт от дома до дома, но так короче на двадцать километров, “авось прорвёмся — не у всех получается”. Поэтому, когда мы выехали на полянку зелёную и ровную, как английское футбольное поле, я был эффектно впечатлён открывшейся картиной.

Нас встречал сухопарый и крупный, деревенского покроя мужчина лет сорока. Пожав руку Александру и почти не обратив никакого внимания на меня, он только спросил:

— Водку будете?

— Нет, — ответил Лопата.

— Тогда чай или окрошку? Посидите тут за столиком, перекурите — я мигom, — после этого он протянул мне руку и представился: — Николай!

— Коль, ты подожди с чаем, сначала о деле — “шишига” на ходу?

— Обижаете, Александр Платонович. Я сегодня уже ходил на ней, — Николай махнул в сторону старенького военного грузовика-вездехода ГАЗ-66. Машина внешне была в идеальной сохранности, будто только что с конвейера, бросались в глаза только номера, на которых вместо циферок стояли буквы “ДРУГ ЗВЕРЯ” и свежая невысохшая грязь на колесах. — Давайте, Александр Платонович, всё же сначала чайку или молочка, а там я уж вам доложу всё по форме?

— Ну, давай, — согласился Сашка, — только, действительно, не чаю, а холодненького молочка.

Мы направились к большущему несуразному бревенчатому строению с какими-то башенками, колоннами, резными наличниками. Это и был, по видимому, пресловутый охотничий домик, и, судя по всему, разместиться в нем на ночь могла пара десятков гостей. Строение находилось в опасной близости к краю обрыва. Зато отсюда, сидя на лавочке за свежеструганным столом, на котором уже стояли деревянные миски с малиной и черникой, хорошо было любоваться заливыми лугами и озёрами, на которые мы стремились попасть.

Девчушка лет десяти-двенадцати, с выгоревшими до белизны волосёнками, заплетёнными в жиденькие косички, глядя себе под ноги и старательно сжимая двумя руками глиняную кринку, тащила нам молоко. Потом откуда-то притарахтел на скутере паренёк лет пятнадцати, эдакий суровый крепкий боровичок, и деловито начал стаскивать с багажника нашего “лендкрузера” короб с бреднем. Как я понял, это были дети Николая.

Александр, выпив две кружки молока и съев две ложки черники, усталю закрыл глаза, и мне показалось, что он задремал, откинувшись на спинку скамейки. Большой овод сел ему на волосы, но почему-то не кусал и не улетал никуда. Сквозь зелёный августовский вязкий шум глухо доносились голоса:

— Батя, а мотня-то ничего, метров семь будет.

— Батя, я половинку кирпича туда засуну? Я его в полотенце старое завернул и верёвкой завязал.

— Батя, а к валькам верёвки надо бы привязать тяговые, а у нас — нет!

Тут Лопата открыл глаза — он не спал и всё слышал.

— Володя, открой багажник и достань бухточку капроновую, толстая там есть, в палец толщиной, основная называется, и отрежь от неё пару хвостов по десять метров. Вот тебе и тяги. Только — отрежешь, заплыв концы на огне.

Мы с Сашкой Лопатой поехали в луга на своём “лендкрузере”, а Николай с Володей на “шишиге” должен был ещё заехать в деревню за рабочей силой. Я понимал, что таскать бредень будем как бы не мы, а мужики, но все же решил подстраховаться и спросил:

— Саша, я чего-то не готов лазать по осоке, и оделся я совсем не пляжному.

— Да не очкуй ты — не полезем мы в осоку. Ну, только если очень захочется. Есть тут, кому ползать в охотку. Нам с тобой по пятьдесят лет, мы с тобой в том возрасте, когда положено командовать. До сорока и после шестидесяти это выглядит не всегда красиво. Это очень короткий период, когда уже можно командовать и ещё позволяют командовать.

Первое озеро, которое наметил нам Николай и до которого мы плыли минут двадцать, представляло собой вытянутую тарелку, вроде селёдочницы, метров сто длиной и почти без кустов, только посередине заросли тальника подступали с обеих сторон почти к воде, зато “носки” были чистые. Шириной оно было в этом месте метров двадцать, и вдоль всего берега между острыми стрелами осоки плавали в воде крупные болотные белые лилии.

“Шишига” подъехала почти вслед за нами. Мужики выпрыгивали из кузова, чуть смущаясь, не совсем уверенно, что приехали за делом, а их подруги, босые и в разноцветных сарафанах, с визгом и смехом. Мужики как по команде закурили, а бабёнки очень уверенно бросились к Сашиной машине, открыли багажник, и через минуту уже был сервирован походный столик с бутылками, стаканами и закусками.

Мы с Сашей подошли к компании и поздоровались. Саша разлил водку по пластмассовым стаканчикам и чокнулся с каждым мужиком, а я отошёл в сторонку и уселся на надувное охотничье кресло, каковое тоже у Лопаты нашлось. Бабёнки тоже уселись на луговине невдалеке от меня и, пощebetав меж собой, вдруг запели. Это все выглядело бы такой идиллией, прямо пырьевичина какая-то самая дешёвая, если бы не удивительные голоса этих совсем не пятнадцатилетних девчушек. Тысячи народных песен гуляют по нашим селам, и почти все они переписаны, но ценность и неповторимость их именно в исполнении.

Команду Сашину прибывшие не все выполнили и одеты были разнокалиберно, но это только украшало их компанию, делая её ещё колоритнее. Кто-то и действительно был в белых подштанниках, но кто-то уже оказался и в трусах, а кто и в тренировочных штанах. То же и с обувкой: кто в галошах, кто в драных кроссовках. Но двое, длинный, костлявый и лысый с жиденькой бородкой и другой, смешливый толстяк, оба лет по сорок, были одеты по форме: во всём белом и в лаптях. Я сразу как-то их замечтил и расслышал, что местные меж собой зовут их Жердяй и Круглый.

Бредень раскатали по траве, к валькам были привязаны верёвочные тяги, крылья развели и мотню вытянули, но все ждали отмашки к началу. Саша подошёл к мужикам:

— Так, вы двое, — он указал на Круглого и Жердяя, — берёте валёк с верёвкой и плывёте на тот берег. Ты, Жердяй, идёшь по траве и топишь валёк, а Круглый тащит по берегу за тягу. Мотню Володя заведёт в плывь, — и Лопата кивнул Колиному сынишке, — а вы, девчонки, плывите тоже на тот берег, будете ботать: идти перед Жердяем и стучать ладонями или дощечками какими-нибудь по траве, рыбу выгонять. Посмотрим, если вдвоём они не протянут сеть, ещё кто-нибудь переплывёт к ним на подмогу — по траве сложно тридцатиметровую волокушу протянуть.

Всё получилось отлично, как и рассчитал Саша. В “носке” озера, заросшем травой, куда и вытаскивали сеть, собралась вся компания: по двое тащили каждый валёк, проваливаясь то по пояс, а то и по горло, по двое за каждую верёвку тянули что было сил. Сеть была забита травой и надувалась

парусом. Было уже виден и улов: билось, трепыхалось что-то в этом мешке. Только мне уж больно не хотелось пока вязнуть в сизом озёрном иле. Вот уже и крылья бредня выползли на берег, и тут я увидел, как приличная щука килограмма на полтора, прямо извиваясь змеёй, выползла на берег и норовит прошмыгнуть мимо валька назад в воду. Я бросился к ней и успел, упав в траву, схватить её обеими руками, пока она не ушла.

— Есть, не ушла! — заорал я. — А вы куда смотрите? Надо шкаторинки-то бредня прижимать к земле, а то вся уйдёт!

Улов был неожиданно приличный: четыре щучки, две из которых побольше килограмма, десяток царских линей, десяток карасей, а окуней мы уже и не считали. С одного заброда — полная корзина. Вторая попытка с сородины озера в другой конец была также удачной. Во мне, с утра ещё полностью индифферентном и безразличном ко всему этому мероприятию, вдруг разыгрался азарт. Мне хотелось снова и снова лезть в эту воду с сеткой и ловить этих толстых красивых рыбин.

Лопата с удивлением смотрел на меня:

— Ты смотри — так и рыбаком станешь! Значит, надо и второй вариант испытать. Едем на реку, на пески.

Окские пляжи знамениты на всю Европу, тянутся они километрами и красоты невероятной. Мужики по отмелям таскали бредень: где по колену, где по шейку, где вилась, пока удача не улыбнулась нам: был пойман сомёнок на пять кило! У меня перед глазами стоит эта чудесная картинка, переходящая в кошмарную: молоденький паренёк в семейных трусах и белой рубашке, с водорослью, свисающей с волос на плечо, тащит к нам сомёнка, волоча его хвостом по песку. И вдруг он оступается, ойкает и садится почти перед нами, задрав ногу и обхватив её двумя руками. Из пятки на нас смотрит доньшко стеклянной пивной бутылки. Обколотое розочкой, оно плотно впилося в ногу мальчишке, и хлещет на песок кровь из пацана, как из дырявого ведра. У меня даже закружилась голова. А Лопата — хоть бы что, только показало мне, уж больно как-то затянута всё у него, как в замедленном кино:

— Коля, — крикнул он, одновременно нажимая кнопки на своём резиновом водонепроницаемом и пуленепробиваемом мобильнике, — быстренько ко мне. Перетяни парню ногу ремнём и держи её кверху. Глава администрации у вас по-прежнему Сергей Евграфович? Хорошо. Я уже говорю. Серёга, привет, это Сашка. Какой Сашка! Платоныч, Платоныч! Неприятность тут у меня случилась, но в твоём районе, отвечать будешь. Да нет! Паренёк ногу повредил, быстро вышли сюда “скорую помощь” ко мне на базу. Вышли свою машину, докторов вызови, должен буду. Я тебе дам — нет больницы, нет врачей, нет оборудования! Твоя больница теперь моей подшефной будет, значит, всё у тебя будет, а сейчас давай пацана ремонтировать. Лады, до встречи, заезжай. Коля, ты чего ждёшь? Засовывай пацана в мою машину и на базу. Да, мы тоже едем, я сам за руль сяду.

Жара всё же постепенно спадает, и оводы перестают жужжать, и на солнышко можно уже смотреть без рези в глазах, только воздух по-прежнему тяжёлый и горячий, хочется прожевать его и выплюнуть, и кузнечики продолжают настойчиво стрекотать. И уши не хочется. Мы сидим на той же самой скамеечке, что и утром, у Лопаты на базе.

— Александр Платонович, как насчёт ухи-то?

— Не хочется чего-то, Коль. Давай лучше крошки, ты утром грозился. А рыбу всю отдай мужикам в деревню.

— Окрошка есть. А водки?

— Водки давай.

— Александр Платонович, а как там в больнице-то?

— Нормально всё, Коль. Завтра пацан дома будет. Вот такой подарок ты мне, старик, подарил, — это Лопата уже ко мне.

— Какой подарок? Бредень как бредень.

— Да нет — подшефную районную больницу ты мне подарил. Была самая задрипанная ЦРБ в области, а теперь я её должен сделать образцово-показательной.

С кухни доносятся девчоночьи голоса. Это к моей дочери пришла подруга. Познакомились на отдыхе в Египте, а оказалось, что живут в одном доме, только в разных подъездах. Теперь у них новая забава: в интернете разыскивают рецепты старинной русской кухни, бегут на базар и после вдвоём кулинарят. На мне в обед экспериментировать будут.

В открытое окно — солнце во всю силу, автомобильные шумы, запах прелых тополиных листьев. Почему-то под занавес жизни многие вещи перестают понимать: зачем начало осени называть “бабьим летом”, если это уже осень? А то, что произошло вчера, — вообще, как кошмарный сон, будто в фантастической стране побывал.

В деревне у меня есть домик, который мы с семьёй используем летом для отдыха. Достался он мне от бездетной тётки по завещанию. Хотя и не больно-то он был мне нужен, теперь уже привыкли к нему. При домике небольшой участок в пятнадцать соток с яблоньками, вишнями, сливами да малиной. Есть и огородик, на котором лучок, укропчик, чеснок, морковка. А тут образовался у нас неожиданно сосед. Купил он соседний участок со сгнившим и развалившимся бесхозным пятистенком, хотя хозяева-то нашлись, видно, раз купил.

Познакомились мы с ним. Оказалось, что он сам из Москвы, домишко собирается поставить на участке и ездить в наши глухие заповедные места на рыбалку да на охоту. Хотя, когда он стал размечать границу будущего забора, оказалось, что кадастровый план его участка совсем не совпадает с теми границами, которые показаны в моих бумагах. Возник некоторый конфликт интересов. Недолго думая, мы решили уничтожить на корню этот конфликт, чтобы наследники наши не мучились: надо вызвать официального землемера (или как он теперь называется), чтобы он нарисовал нам новые границы участков и выдал нам новые, не противоречащие друг другу документы.

Москвич, сосед мой, оказался мужиком очень активным и деятельным, и все заявления подал очень быстро, и все ответы получил моментально. В мои обязанности входила доставка на своей машине из райцентра в нашу глухомань этого инспектора кадастрового отдела, или по-простому — землемера, — и возвращение его “в первобытное состояние” — в родной райотдел.

Только надо учесть, что от нашей деревни до нашего райцентра — сорок километров, а до района, где этот земельный межрайонный кадастровый центр находится, — семьдесят. В общем, где-то я просчитался: и выехал поздно, и поехал не по той дороге, и навигатор вдруг заглохнул. И вот на незнакомой и разбитой — вся в ямах и колдобинах! — дороге я ещё вдобавок услышал, как под моей машиной, десятилетней и неубиваемой “Хондой ЦР-В”, что-то очень серьёзно и громко застучало. Я прижался, насколько можно было, к обочине, под которой холодно блестела болотной водой глубокая и нескончаемая канава. Заглянув под машину, я понял, что худшие мои опасения подтвердились: кардан оторвался и болтался, цепляясь одним своим концом за дорогу.

Настроение вконец у меня испортилось, и понятно, что не очень-то хочется в такой ситуации прибегать к тургеневско-бунинским изыскам и описывать малахитовые ели и золотые берёзки. Тем не менее, солнце садилось своим горячим брюхом на рельефный и острый гребень этих елей, растекаясь багровым закатом, в то время как с юга на небо очень быстро напозла чёрная грозовая туча.

Только тут я заметил, что впереди, ну, метров с пятьдесят, на обочине этой богом забытой трассы стоят две большие корзины с грибами и две маленьких — с ягодами. А чуть дальше, за корзинами, и лес кончился, и виднеется большая опушка, и крыши домиков просматриваются за последними деревьями.

Я уверенно зашагал вперёд и тут же разглядел рядом с корзинами сидящую на сосновом чурбаке маленькую старушку в сером, прямо-таки в каком-то мышинном зипуне, в валенках с галошами и в пуховом платке. В общем, одета была бабушка по погоде и по сезону. А что вы хотите? Сентябрь

в заволжских лесах — это время первых заморозков. В корзинах были рыжики, а они в наших краях не каждый год рождаются — раз в пять-шесть лет, а в маленьких — брусника и клюква. Смотрела она на меня с интересом.

— Как торговля, бабушка? — спросил я её, останавливаясь около корзин.

— Торговля — хорошо! Три корзины продала сегодня.

— А почему?

— По пятьсот. А ты так спрашиваешь или купить что-то хочешь?

Глазки у бабушки были умные, даже с хитрецей, и смотрели насмешливо.

— Да, нет, не до покупок мне, — для виду полomalся я. — Что делать — не знаю. А это, бабушка, что за деревня и как тебя зовут?

— Зовут меня баба Нюра, а деревня — Быхово.

— А это твоя деревня?

— Моя.

— Баба Нюра, а нет ли у вас тут какого-нибудь мастера-умельца, который посмотрел бы у меня машину, а может, и оттащил бы её мне в город, если есть на чём?

— А как же — есть у нас мастер-умелец! Ваньки! — она так и произнесла: не “Ванька”, а “Ваньки”, и почему-то я воспрянул духом.

— Как бы мне его увидеть? Помоги!

— А чего я тебе помогать-то буду? Вон крыши — видишь? Второй дом по порядку — мой, а следующий, большущий с железным гаражом, его, Ваньки. Иди, дома он.

Я обнадёжился и уверенно пошагал к деревне, крыши которой виднелись из-за деревьев. Второй дом — дом бабы Нюры — был неказистый и покосившийся, зато следующий был не просто большой, но и выдающийся. Был он замечателен и огромным гаражом, скорее — ангаром, в который могли убраться два-три приличных трактора, и тем, что перед домом стояли, а скорее — валялись с десятков убитых легковых автомобилей всех годов выпуска и всех марок. Подойдя ближе, я увидел, что и на участке за домом в беспорядке скорее свалены, чем расставлены такие же останки разбитых машин, причём их не меньше там, чем перед домом. Тут были как ржавые без дверей и без колёс ни к чему не пригодные кузова, так и вполне пригодные, с первого взгляда, к ремонту приличные экземпляры. Хотя, честно признаюсь, небольшой я специалист в этих железяках, чтобы кому-то что-то комментировать или советовать. Просто я с некоторым беспокойством представил свою “хонду” рядом с этими железными трупам.

Хозяин всей этой коллекции, по всей видимости, тот самый Ваньки, про которого говорила баба Нюра, стоял перед распахнутым ангаром почему-то с метлой в руках и курил. Был он не просто высокий, а даже длинный, ладони огромные, похожие на деревянные лопаты для снега, из-под распахнутого ватника торчит майка неопределённого цвета, голова лохматая, чуть-чуть подёргивается, а взгляд... Как бы помягче сказать — ну, дауна что ли?

Он осторожно пожал мою протянутую руку

— Иван, — представился он и услужливо так спросил: — Случилось чего или в гости к кому?

— Случилось, Иван, случилось, — ответил я, — поломался я. Может, поможешь? Кардан отвалился у меня, и встал я рядом с бабой Нюрой.

— А какая машина-то у вас?

— “Хонда ЦР-В” десятилетняя.

— Ну, так мы кардан отключим, и ты на передке поедешь.

— Там, по-моему, всё хуже: его так завернуло, что он тяги погнул. Посмотрел бы ты?

— Да, пойдём, посмотрим.

Пока мы шли пешочком до трассы, начал накрапывать дождь, капли были редкие, но крупные. Попалась навстречу и баба Нюра с корзинками.

— Ваньки, поможешь человеку-то? — спросила она.

— Помогу, тётъ Нюр, помогу, — ответил Иван.

Немного не доходя до моей старушки “хонды”, Иван спустился с обочины и подобрал большую суковатую палку. Что-то поворотив этой палкой под днищем машины, он отбросил её в сторону.

— Я сейчас в деревню схожу и вернусь, надо её в гараж оттащить, здесь я не смогу её оживить. А вы... Вы ждите меня здесь в машине, не мокните под дождём.

Довольно скоро из лесной просеки, ведущей в деревню, как-то прямо-таки выпрыгнул, покачиваясь с боку на бок и громко фыркая клубами дыма, трактор "Беларусь". Дотащили мы трактором с грехом пополам мою доходягу до Иванова дома, а там вручную затолкали её под навес в гараж. И тут вместе с плотным и уверенным дождём наступила крошечная темнота.

В гараже у Ивана было уютно: лампочки светили каким-то оранжевым светом, и музыка симфоническая играла негромко через старинный радиоприёмник.

— Мил человек, — обратился ко мне Иван из ремонтной ямы, куда он сразу же залез, — шёл бы ты, посидел у тёти Нюры. У меня-то дома сарай — хуже, чем в гараже. Один живу, потому и не приглашаю, а тётя Нюра велела тебе передать, чтобы ты к ней заходил, если тут дела затянутся. А они затянутся. Часика через два я загляну к вам. Там на фланце болты срезать надо, заварились они, заржавели за десять-то лет... Пока я свою сварку раскочегарю...

Иван вылез из ямы, и мы закурили. Я опять обратил внимание, что у Ивана голова чуть-чуть вбок поворачивается и трясётся, и глаза посматривают исподлобья, как у дауна. Но я от кого-то слышал, что дауны до взрослого возраста не доживают. А тут...

— А что, баба Нюра одна живёт?

— Одна. Зайди, она рада будет, она женщина гостеприимная и грамотная, учительницей была. А вот судьба не сложилась: сын в тюрьме пропал, а дочка в районе в администрации работает, карьере делает, замуж не идёт, юридический заочно закончила, к матери носа не кажет. Года три уже не была. Так что у бабы Нюры — ни детей толком, ни внучат. Разучились люди правильно жить.

— Так... А ты говоришь, что детей нет. А дочка?

— Такая дочка, что скорее она — не дочка! — Иван махнул рукой. — В прошлом году отец помер, дядя Коля, муж тёти Нюры, так эта дочка на похороны отца родного не приехала. Вы это можете понять? Тут тридцать верст до центра, где она живёт. Да разве в этом дело?

— Может, они конфликтовали? Поругались?

— Не-ет! Просто жить разучились.

— А сколько домов у вас в деревне?

— Домов пятьдесят хороших-то, а в тридцати дачники живут из города да из Москвы. Зимой-то у нас только десять домов топились, а в этом семь будет. Ты на меня не смотри — я инвалид детства, вот на пенсию инвалидную и живу да рукодельничаю чего-то. И остальные, кто здесь живёт, пенсионеры. Хотя, честно говоря, лес нас кормит. Вот тётя Нюра тысяч на тридцать, а то, может, и на пятьдесят уже продала грибов-то! Когда-то стадо деревенское было, ой-ёй коров-то, а сейчас ни одной. Вон тётя Нюра козу держит, и — всё! Ну, ещё курей у неё десяток.

— Ну, ладно, тогда я пойду к тёте Нюре, чайку попью. Я жду тебя, Иван.

Я выкинул докуренную сигарету, достал из машины коробку конфет, приготовленную для какой-нибудь барышни из районной администрации, и под хлеставшим дождём побежал от Иванова гаража до тёти Нюриной избы. Она меня ждала.

Да не просто ждала, а засуетилась, когда меня увидела: мокрые мои куртку, кроссовки да носки покидала на печку, которая уже гудела, дала мне какую-то стёганую ватную кацавейку-безрукавку и валяные опорки. Усадила она меня за стол, чайник уже вскипел, посередине стояла маленькая вазочка со свежим брусничным вареньем.

По телевизору что-то классическое играл симфонический оркестр. Я с улицы заметил телевизионную тарелку на коньке тёти Нюрино дома и напугался, что столкнусь с каким-нибудь "Камеди-клубом" в этой Богом забытой деревне. Но нет! Оказывается, для таких замечательных мест существуют и замечательные телеканалы.

Выпили мы с тётей Нюрой по паре чашек чая, съел я вазочку брусничного варенья, поговорили мы о детях: я — о своих, баба Нюра о своих рассказала. Сказала она, что сын её на заводе большом инженером работает, а дочка в администрации городской юристом, только жаль, что редко видятся. При этом смотрела баба Нюра куда-то в сторону, в угол, где на полочке три бумажных иконки стояли. А потом и вовсе ушла она к себе на кухню перебирать грибы, а мне наказала:

— Ты, мил человек, садись на кресло, смотри телевизор и жди Ваньки. Он придёт! Спать захочешь — ложись, спи! Раздвинь кресло, оно как кроватка будет, одеяло стёганое я тебе приготовила, накроешься.

И заснул я сразу, и проснулся поздно, солнышко уже высоко стояло, и петух орал, как дурак пьяный.

— Ну, что проснулся, гость неожиданный?

— Тётя Нюра, ты уж прости, что пришлось загоститься.

— Гость неожиданный — божий подарок. Яишню я тебе сделаю?

— Да, не откажусь! Спасибо!

— Ваньки приходил два раза уже. Я не дала тебя будить.

Съел я яичницу из трёх яиц, выпил стакан козьего молока, зажав нос, — терпеть козье молоко не могу! — оставил пятьсот рублей на столе и пошёл к Ивану. Солнышко светило весело, на листьях и веточках вишни играли, поблёскивая, капли ночного дождя. Иван сидел на завалинке своей избы и курил.

— Ну, что, мил человек, аппарат твой я устроил, на пятьсот вёрст гарантию дам, а вообще-то в интернете на форуме я полазил и скажу, что надо срочно тебе в сервис: полную ревизию надо делать. А сейчас не торопясь на передке поедешь.

Расплатился я с Иваном, оставил ему тысячу, поблагодарил, пожал его огромную руку и поехал в район заканчивать свои кадастровые дела.

Инспекторшу из бюро инвентаризации, которая должна была ехать со мной замерять мой и соседский участки, звали Мариной. Была она лет тридцати, весёлая, смешливая и, если не толстая, то крепкая, сбитая, налитая, что ли. Глазки и губки у Марины подкрашенные, носик курносый кнопочкой — интересная женщина. Всю дорогу она мне рассказывала, как целый год ремонтировала свою однокомнатную квартиру, и вот — только что вернулась из Турции, где отдыхала от этого ремонта. Ехал я по той же вчерашней дороге, по тем же ямам и ухабам не торопясь и экспериментировать с маршрутом не хотелось.

Я издали увидел указатель со стрелкой “Быхово” и бабу Нюру, сидящую на чурбаке рядом со своими корзинами. Остановившись специально я не стал: ну, чего — два часа назад прощались, обнимались. Пропыллил мимо, приветно помахал рукой. И тут мой землемер Марина радостно как-то так говорит:

— А это моя мамка стоит, с грибами-то!

И тут я начал тормозить! Нет, не машиной, а в том смысле, как молодёжь теперь говорит. И торможу я уже второй день и ничего не понимаю, размышляю: правильно Иван из Быхово сказал, что разучились мы жить.